

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

¹⁴ Никитин В.И., Снытко И.А. Раскопки курганов у с. Плющевка // АО. 1985 г. – М., 1987. – С. 381.

¹⁵ Снытко І.О. Поховальний обряд населення хори Ольвії... С. 32.

С.Б. Сорочан (Харьков, Украина)

О МЕМОРИИ СВ. КАПИТОНА В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Солидными размерами и оригинальным планировочным решением, воспроизводящим форму центрического сооружения – тетраконха, отличалось четырехапсидное купольное здание, воздвигнутое в юго-западной оконечности византийского Херсона не ранее VI в. на месте, как полагает большинство исследователей, связанном с преданием о легендарном чуде епископа Капитона и массовом крещении херсонеситов¹. Архитектурный тип тетраконха нередко служил для мавзолеев, например, в византийской Малой Азии; имел он мемориальный характер, бывал и баптистерием². Причем меморий, как и в случае с херсонским памятником, мог быть не обязательно мавзолеем святого, мученика, но и постройкой, созданной на месте памятного события. Такие сооружения возводили на особо почитаемых местах (*locus sanctus*, *memoria*), где не было захоронений, но где было проявлено могущество Бога – теофания. Поэтому А. Грабар выделил подобные мемории и мартирии в особый тип, который назвал “теофаническим”³. Его ближайшие аналогии обнаруживаются среди памятников византийской архитектуры VII в., в плеяде которых он, скорее всего, был одним из первых⁴.

В пользу строительства херсонского мемория не позже конца VI в. свидетельствует отсутствие в слоях, подстилающих здание, остатков поздней краснолаковой керамики группы LRC формы 10 по Дж. Хейсу, а также африканской формы 105, которые появились с 70–80-х гг. VI в., распространились в начале VII в. и встречались в комплексах первой половины этого столетия⁵. *Terminus post quem* по постройке могла бы дать монета Анастасия I (491–518) из нивелировочной засыпи, однако надо учесть большую, порой продолжавшуюся столетиями длительность нахождения отдельных позднеримских и ранневизантийских монет в денежном обращении Херсона. Прочие материалы (фрагменты краснолаковых мисок группы LRC, типов C-F, клейма-штампы II и III хронологических групп, обломок миски группы “африканские краснолаковые” формы 93 или 94, блюдо с треугольным венчиком, фрагменты амфоры с рифлением типа “набегающей волны” и рюмкообразных стеклянных сосудов, служивших светильниками-лампадами или потирами, приносимыми из дома для индивидуального причастия) вполне укладываются в пределы VI в. и не противоречат отношению времени постройки мемориального культового сооружения ко второй половине этого столетия, а точнее, к 60–70-м гг. VI в.⁶

Во всяком случае, находка монеты Анастасия входит в решительное противоречие с предположением о возможности возведения здания уже во второй половине V в.⁷

Поражает толщина стен сооружения, доходящая местами до 1,6-2,6 м, хотя в остальном оно сложено в технике типичной для других ранневизантийских культовых построек Херсона, то есть с использованием прочного известкового раствора с добавлением песка и толченой керамики, причем в южной апсиде прослеживались ряды плинфы двух видов, то есть следы кладки *opus mixtum*, обычной для херсонесской строительной практики преимущественно второй половины VI – начала VII вв., а не более раннего времени⁸. Здесь же около южной апсиды с западной стороны находился широкий дверной проем, обрамленный небольшим пристроенным нартексом или портиком, который, очевидно, встречал всех, кто направлялся к храму от находившейся рядом основной продольной улицы, через десяток метров заканчивавшейся у Западных или Красных (Красивых), они же – Святых ворот (*ta Iera*), как они были названы в Житиях свв. епископов Херсонских⁹. В остальных трех апсидах было по две двери, следовательно, их общее число достигало семи¹⁰. Четыре из них были впоследствии заложены, но их первоначальное количество говорит о ранней поре “канонического”, “имперского” византийского церковного обряда, рассчитанной на массовые богослужебные процессии, стациональные литургии и на придание церковному зданию символического значения, то есть на возникновение синтеза литургии и мистагогии, начавшегося опять-таки с эпохи Юстиниана I (527–565)¹¹.

Толщина устоев на стыке экседр (2,5–3 м) и стен при общем внутреннем диаметре здания в 19 м указывают на то, что постройку венчал византийский купол, опиравшийся на арки апсид и массивные каменные пилоны¹². Он возводился без расчета, простым, но эффективным методом. Его пролет не превышал 7 м, после которых конструкция теряла устойчивость¹³. Ввиду отсутствия окон в стенах, свет падал, видимо, из-под купола, который господствовал над всем зданием, являясь воплощением идеи Воскресения, победы над смертью. Он не принадлежал земной тяжелой материи, а был непосредственно связан с небом, которое олицетворял. “Как космическое небо, так и купол, - подчеркнул Ганс Шульц, - являются источником и обиталищем света, который оттуда попадает в храм и одновременно, возвращаясь назад, возносит до небесных высот дух богомольца”¹⁴. Уже одно это являлось редкостью для ранневизантийского Херсона, ибо, как верно заметил А.Л. Бертье-Делагард, “...построение самого обыкновенного купола требовало гораздо больше знания и опытности, чем всех базилик вместе взятых”¹⁵. Собственно здание, рассчитанное на эффект струящегося из окон света и как бы висящего на невидимой цепи купола, производило впечатление космическо-сакральной постройки и могло рассматриваться как символ Небес, что особенно прочно закрепилось в

представлении ромеев после завершения создания Св. Софии Юстинианом в 537 г.¹⁶

Строительство такого необычного культового сооружения, несомненно, являлось важной акцией, выходящей за рамки возведения очередного приходского храма города. Здание мемория, формировавшее своим объемом общий силуэт городской застройки, композиционную геометрическую схему размещения общественных комплексов, находилось в самой высокой точке городища (около 29 м над уровнем моря), но на неудобном косогоре, круто понижающемся с запада на восток. Выбор более ровного места был ничем не ограничен, оно находилось буквально в нескольких метрах севернее, тем не менее, строители пошли на дополнительные неудобства и затраты при постройке и без того дорогостоящего сооружения, чтобы выровнять избранное место строительства, менее всего годное на данном участке, сделали внутри и снаружи возводимого мемориального здания достаточно мощные нивелировочные подсыпки из суглинка. Едва ли это можно трактовать как случайность. Трудно найти иное объяснение кроме навязчивой, настойчивой попытки совместить строительство с остатками обнаруженной здесь известеобжигательной печи, оказавшейся на глубине 0,92 м под полом здания, почти в центре подкупольного квадрата, несколько ближе к главному, наиболее широкому входу. Такой вывод подтверждается и рисунком плохо сохранившейся напольной мозаики в виде павлина с распущенным хвостом, виноградной лозы и еще двух птиц, в том числе голубя, а также орла – христианского символа высоты епископского учения, которая была выложена на полу почти над печью, ближе к западной экседре¹⁷. Над мозаичным полом в ходе раскопок были собраны остатки темносиней смальты, которой мог быть украшен купол сооружения, имитировавший небесный свод¹⁸.

Мемориальный, теофанический, а не богослужебный характер сооружения подчеркивало отсутствие алтаря, престола и синтрона. Здесь не прослеживаются ни малейшие следы стационарной купели, да и излишне большие размеры сооружения, обособленность, значительная удаленность от прочих западных и южных храмов (кафоликонов №13, 14, 19), где после крещения и миропомазания должно было проходить обязательное по чину Святое Причастие обращенных, делали его неподходящим для баптистерия, как иногда бесосновательно утверждают¹⁹. Ни внутри, ни снаружи здания не было и могил, гробниц.

Тем не менее, С.А. Беляев пытается оспорить впервые предложенную К.Э. Гриневичем и поддержанную другими исследователями идентификацию этого памятника с житийным известием о подвиге епископа Капитона на том основании, что известеобжигательная печь, обнаруженная во время раскопок в геометрическом центре здания, «не существовала в то время, когда было совершено чудо епископом Капитоном»²⁰. В.М. Зубарь и другие

исследователи заметили, что это действительно было бы так, если исходить из канонического и не критического понимания текста Житий свв. епископов Херсонских, где записано, что массовое крещение херсонеситов состоялось в правление императора Константина I, вскоре после Никейского собора 325 г. – утверждение, встречающее справедливые возражения специалистов²¹. В последнее время большинство из них согласилось с вполне аргументированной, существенной поправкой, предложенной К. Цукерманом, о том, что прибытие регулярной имперской части в Херсон произошло при императоре Валенте (364–378), а назначение епископа в город следует датировать серединой 380-х – началом 390-х гг., до смерти Феодосия I²². Эту версию подтверждает и синаксарный вариант Жития семи мучеников Херсонских, где деятельность Капитона была отнесена к правлению Феодосия Великого, что в свое время отметили И.Я. Франко и В.В. Латышев²³. Судя по материалу из подстилающего слоя, печь на месте будущего тетраконха была построена не ранее второй половины - конца IV в., если не позже²⁴, а это как раз вполне увязывается с истинной исторической, а не легендарной хронологией событий.

Таким образом, мы имеем дело не с противоречием в заключениях, а, напротив, с еще одним аргументом, подтверждающим увязку теофанического мемория с преданиями херсонеситов о чуде епископа Капитона. Другое дело, был ли он построен в связи с канонизацией Капитона, как это предложили считать В.Ю. Юрочкин и А.В. Джанов²⁵, или херсониты, их власти, центральные и местные, оказались по иной причине на какой-то момент, пришедшийся, скорее всего, на третью четверть VI в., заинтересованы в возведении на знаменательном месте с остатками реальной известковой печи, воскрешенном в общественном сознании, благодаря составленному незадолго перед тем Житию, видного здания, увековечившего память о водворении Церкви в городе и окончательной, “государственной” победе над “идоломанией” и силами зла²⁶. Следует подчеркнуть, что херсониты, видимо, сознавали, что имеют дело не с настоящей печью эпохи Капитона, а с местом, где она находилась, и поэтому не посчитали необходимым увековечивать ее остатки над землей, покрыв их мозаичным полом соответствующим образом построенного с множеством дверей здания-мемория.

Подобные, очевидно, не случайно совпадающие во времени строительства обнаруживаются еще у двух объектов культового характера, тоже связанных с текстом Житий семи священномучеников Херсонских, а именно, у гробничного мартырия (№12, “часовня Г”) на территории монастырского комплекса Св. Леонтия около западной античной оборонительной стены, где, по преданию, был похоронен замученный язычниками епископ Василей, а также у Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии, расположенного против Мертвых ворот, среди “святых могил”, в том числе, легендарных Евгения, Агафодора и Елпидия,

первых мучеников – епископов города²⁷. Возведение нового большого храма во имя апостола Петра, очевидно, в виде Восточной базилики №36, на месте, именуемом херсонитами Парфенон, находит обоснование в зафиксированном в Житиях рассказе о деятельности епископа Капитона и опять-таки произошло к концу VI в.²⁸ Следовательно, это были стройки одного порядка, наполненные одним смыслом, нашедшим место для реликвий в истории, почерпнутой из одного “программного” агиографического памятника, появившегося незадолго перед этим на свет.

В любом случае, видный купольный меморий №47, несомненно, продолжал функционировать на протяжении всех “темных веков”, являлся непрменным местом остановок во время богослужебных последований, литургических шествий, и после нескольких частичных разрушений и восстановлений с мелкими перестройками, в урезанном виде дожил по меньшей мере до X в.²⁹

¹ Гриневич К.Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе (Новая попытка его объяснения) // Архив НЗХТ. – Д. № 1035. – Л.129-134; Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. - №1. – С.155-169; Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. – 1998. – Вып.6. – С.339-340; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... докт ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С.20, 35, табл. 11; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С.666-669; Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. – Вып.7. – 2000. – С.83; Романчук А.И. Очерки... – С.70; Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып.8. – С.271-272.

² Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). – М., 2002. – С.344.

³ Grabar A. Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. – Paris, 1946. – Vol.1. – Chap. III; Хрушкова Л.Г. Указ. соч. – С.73.

⁴ Ср.: Райс Д. Т. Искусство Византии. – М., 2002. – С.128-131, рис. 124, 125, 128.

⁵ Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм... – С.164, рис.5 - 10; ср.: Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч.1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. – Свердловск, 1991. – С.32-34; Сазанов А.В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // Х. сб. – Вып.13. – 2004. – С.206

⁶ См.: Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная археология Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С.59-62; Сазанов А.В. К вопросу о времени... – С. 202-210.

⁷ Сами авторы гипотезы вынуждены были сделать оговорку о том, что “ограничение строительной деятельности в храме первой четвертью VI в. (т.е. доюстиниановским периодом) кажется предпочтительным”, причем перед этим определяли конец нижней границы формирования “комплекса” вещей из слоев под храмом первой половиной VI

в., хотя на самом деле среди них встречаются материалы, продолжавшие бытовать во второй половине VI и даже первой половине VII вв. (амфоры с орнаментом типа “набегающей волны”, клейма III хронологической группы на поздней краснолаковой посуде, блюдо с треугольным венчиком, рюмкообразные сосуды) (ср.: Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Указ. соч. – С.58, 62). Тем не менее гипотеза оказалась не критически воспринятой исследователями и, к несчастью, имеет шанс укорениться, что видно из заявления Л.Г. Хрушковой о признании возможности такой постройки в V в. (Хрушкова Л.Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. – Т.63 (88). – 2004. – С.176).

⁸ Р.Х. Лепер сообщал, что к моменту открытия памятника были видны ряды кирпичного пояса и начало арок над ними (Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // ИАК. – Вып.42. – 1911. – С.92-98; ср.: Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. - № 1. – С.158; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С.228).

⁹ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес-Херсон-Корсунь. – К., 2003. – С.178, 202.

¹⁰ Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1980. – Л. 32-33. К. Э. Гриневич ошибался, сводя их число к шести, поскольку полагал, что в южной апсиде находилась лишь одна дверь, “...расположенная у западного конца апсиды и прорезавшая толщу стены наискосок” (Гриневич К.Э. Четырехапсидное здание... – Л.130).

¹¹ Ср.: Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. – СПб., 2000. – С. 32-48.

¹² Яacobсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. – Т.49. – 1988. – С.166.

¹³ Ср.: Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. – Princeton, N.J., 1999. – P. 201-203.

¹⁴ Шульц Г.Й. Візантійська літургія: Свідчення віри та значення символів. – Львів, 2002. – С.88.

¹⁵ Бертъе-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. - № 12. – С.49.

¹⁶ Тафт Р.Ф. Указ. соч. – С.44-45.

¹⁷ Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // ИАК. – 1911. – Вып.42. – С.94-96. Остатки еще одной, судя по стратиграфии, более поздней печи Р.Х. Лепер заметил рядом с восточной апсидой, тогда как северная апсида частично прошла над заброшенной огромной водосборной цистерной римского времени длиной более 15 м, шириной 5,9 м и глубиной в сохранившейся части около 3 м (Кутайсов В.А. Отчет о раскопках на участке четырехапсидного храма в Херсонесе в 1978 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1982 / 1. – Л.18). Печь, находившаяся под центром храма, была вырублена на скалистом склоне, устьем в сторону наклона, и представляла овальную в плане яму длиной 3,7 м и шириной 2,1 м. Она была обрамлена небольшими камнями, сохранившимися на высоту 0,7 м. Устье печи имело ширину 0,2 м. В углублении посередине остались уголь, известь, в разной степени обожженные куски мрамора, из которого получали известь, очевидно, наивысшего качества (Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах ... в 1977 году. – Л. 14-15, 33, рис.3, 4, 32).

¹⁸ Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах ... в 1977 году. – Л.17.

¹⁹ Ср.: Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С.25.

²⁰ Беляев С.А. Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Международ. Рождественские образовательные чтения. – М., 1999. – С.19-22.

²¹ Подр. см.: Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С.53-54, 75, 90-94 (там же библиография вопроса).

²² Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – Вып. 4. – (1994) 1995. – С. 545-558.

²³ И.Я. Франко первым заметил, что некоторые греческие рукописи Московской Синаодальной библиотеки, Парижской Национальной библиотеки 1587 и 1617, Менологий Василия II, греческие Минеи, проложные отрывки из Житий свв. епископов Херсонских связывают время отправления епископа Капитона из Константинополя в Херсон вскоре по смерти епископа Астерия. Последний же присутствовал на Константинопольском вселенском синоде 381 г. Это обстоятельство позволило исследователю высказать согласие с догадкой Эдварда Бикерстит-Биркса, что мы можем иметь в действительности двух Капитонов, “старшего, посланного Гермоном во времена Диоклетина и замученного в Корсуне, и позднейшего, который счастливо докончил дела обращения Корсуна в христианство”. Как бы то ни было, в Проложной статье рукописи первой половины XVI в. (ЛП, В. 5) указано, что это событие произошло “в царство Феодосия” (Франко I. Святый Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т.56. – Кн.6. – С.158, прим.1; с.160; Латышев В.В. Жития свв. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. – СПб., 1906. – Серия VIII по историко-филол. отд. – Т.8. – №3. – С.20).

²⁴ Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса. – С.156; Кутайсов В., Юрочкин В. Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Византия и Крым. Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С.55.

²⁵ Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история... – С.52.

²⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч.1. – С.96-100.

²⁷ Подр. см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... – С.13-28, 172-181.

²⁸ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С.577-584; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... – С.116-120; Сорочан С.Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона // ВВ. – Т.65 (90). – 2006. – С.223-230.

²⁹ См.: Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе... – С.96; Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм... – С. 160-161; Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под. ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной, С.Г. Рыжова. – Poznan, 2004. – С.51-52; Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. – Вып.15. – 2009. – С.345.